

О.П. Сологуб

Соотношение стихийного и регулируемого начал в современной деловой речи (на материале обращений в официальные инстанции)

Соотношения категорий «стихийность» и «сознательность», характеризующих отношения между объективной закономерностью и целенаправленной деятельностью людей, является междисциплинарной проблемой¹. Она ставится и решается прежде всего в гуманитарных науках (философии, психологии, социологии, лингвистике и др.), в которых осуществляется философско-мировоззренческий подход к этим категориям как к определенному типу отношения человека к миру, его «вписывания в мир». Эта проблема особо актуальна именно в последнее время в связи с формированием общенаучной антропоцентрической парадигмы и усилением внимания к человеческому фактору в различных областях деятельности.

В философии понятие «стихийность» употребляется прежде всего для обозначения условий протекания деятельности человека. Во-первых, это неорганическая и живая природа, где «господствует “слепая необходимость”», которая определяет неизбежное наступление тех или иных явлений в результате действия природных законов». Во-вторых, человеческая деятельность осуществляется в условиях общественного развития, отличающегося от стихийности в природе тем, что «в обществе действуют люди, одаренные сознанием и волей, которые сами творят свою историю» [1, с. 132]. Однако хотя эти общественные процессы и выступают как продукт рациональной человеческой деятельности, тем не менее они уже не зависят от сознания и воли человека, они как бы «забыли» о своем происхождении и предстают перед людьми «как бы природными условиями, т.е. недоступными контролю индивидов», «как если бы он, этот феномен, <...> упал с неба готовым» [2, с. 87]. Став саморегулирующимися системами, они выступают уже как заранее данные условия и предпосылки для дальнейшей деятельности, т.е. как бы стихийные силы, сформированные тем не менее

с помощью разума человека.

В этих условиях осуществляется *деятельность* человека, которая может иметь характеристики большей или меньшей *регулируемости / нерегулируемости*, что определяется характером ситуации, свойствами субъекта и его отношением к данной ситуации.

Деятельность человека будет «безусловно несвободной», подчиненной законам ситуации, если ситуация, цель и средства «детерминированы природной необходимостью или социальным принуждением» [3, с. 177]. И здесь возможны несколько вариантов осуществления человеком своей деятельности.

Преимущественно *стихийная деятельность*. В случае если человек не владеет ситуацией и правилами поведения в ней и нет необходимости или возможности овладеть данной ситуацией на рациональном уровне, он воспринимает ситуацию как неуправляемую, неподвластную в силу различных причин его разуму и действует в максимальной степени стихийно, инстинктивно, на бессознательном уровне.

Рациональная деятельность. Рациональная деятельность усматривается там, где «существуют специальные усилия сознания субъекта по анализу соразмерности его позиции той реальной ситуации, в которой он находится. А это, в свою очередь, предполагает самостоятельное построение “идеального плана” действий, ориентируемого на реальную ситуацию» [4, с. 80]. Действительность предстает перед субъектом рационально организованной, и чтобы получить необходимый результат, ему необходимо более или менее полно адаптироваться к условиям данной ситуации, учитывая ее законы, нормы и правила поведения в ней, образующие, по выражению А.Л. Никифорова, «стандарты рациональности», которые «опираются на наше знание вещей и явлений и аккумулируют в себе опыт прошлой успешной деятельности»

¹ Указанная проблема получила различные обозначения в современных общественных науках: стихийное – сознательное, рациональное – иррациональное, рациональное – чувственное, регулируемое – нерегулируемое, сознательное – бессознательное, стереотипное – творческое. Не углубляясь в анализ определений, отметим, что для нас является важным общая идея наличия или отсутствия рефлексивного начала, самоконтроля в человеческой деятельности.

[3, с. 180]. В этом случае именно «ситуация и цель детерминируют рациональный способ действий, от субъекта здесь ничего не зависит» [3, с. 176], и он действует в пределах предложенной ситуации, не выходя за ее рамки.

Действия субъекта по овладению той или иной ситуацией могут быть рационализированы в различной степени «в зависимости от того, какие слои ментальных предпосылок деятельности и в какой степени становятся предметом рефлексивного контроля» [4, с. 81]. Отсюда могут возникать разные варианты поведения.

Деятельность субъекта может определяться как регулируемая в меньшей степени в том случае, если он руководствуется в своих действиях индивидуальными ближайшими интересами, которые не являются для него жизненно важными. И чем меньше его запросы в данной ситуации, тем меньше усилий для овладения ею он прилагает, и его действия в этих условиях не являются следствием серьезного предварительного обдумывания и принятия осознанных решений, не сопровождаются усиленной рациональной деятельностью.

Более сильное проявление нерегулируемых начал в действиях субъекта наблюдается и тогда, когда степень рациональной организации субъекта высока, он в совершенстве, профессионально владеет ситуацией, и поэтому многие операции в силу их освоенности, отработанности, многократной повторяемости совершаются автоматически, на уровне подсознания. Эффективность деятельности во многом будет достигаться «на основе непосредственной инстинктивнообразной реакции организма, автоматизма сознания, воспроизведения традиционных штампов поведения, спонтанных импровизаций» [4, с. 79].

Если субъект не является профессионалом в данной сфере деятельности или же он недостаточно подготовлен, но стремится как можно более полно овладеть ситуацией, то доля регулируемого начала в его действиях будет возрастать в связи с расширением возможностей выбора и стремлением субъекта учесть все эти возможности, чтобы быть максимально адекватно вписанным в ситуацию.

Иной, более высокий тип рациональной деятельности (А.Л. Никифоров называет ее свободной) направлен на покорение стихии, на ее более разумную организацию, рационализацию в соответствии с устремлениями действующего субъекта удовлетворить свои потребности или «выразить, раскрыть особенности своей личности, реализовать себя как некую уникальную сущность» [3, с. 178]. Такой подход предполагает уже выход за рамки ситуации, полет творче-

ства и создание нового. Степень рациональности здесь гораздо выше – «это свобода созидания <...> способность творить новые возможности, <...> создавать новые средства, ставить новые цели, творить небывалые ранее условия в соответствии только со своими собственными желаниями и вкусами» [3, с. 179]. По окончании этой деятельности регулируемый процесс объективируется, становится независимым от воли и желания творящего субъекта, превращаясь в условия для дальнейшей деятельности человека. Таким образом, происходит развитие по спирали: «Общество рационализирует путь <...> первопроходцев, наращивая на него бетонно-асфальтовую кору предписаний и норм. По этому пути оно гонит миллионы людей <...> Но всегда находятся люди, которые своей свободной деятельностью вновь и вновь взламывают панцирь принудительной рациональности и вынуждают общество прокладывать новые дороги» [3, с. 186].

Таким образом, стихийное и регулируемое начала обладают вполне определенным онтологическим статусом, соотносятся между собой и способны к взаимопереходу, амбивалентности.

В лингвистике интерес к проблеме соотношения стихийного и регулируемого начал также продиктован усилением внимания к роли человеческого фактора в языке, что послужило основой для формирования современной научной парадигмы в рамках антропологической лингвистики, одним из центральных вопросов которой является вопрос о регулируемом воздействии человека на язык.

Изменения, постоянно происходящие в языке, могут быть как непреднамеренными, так и преднамеренными. С одной стороны, «язык как явление социальное постоянно подвергается воздействию, обусловленному происходящими в обществе социальными, экономическими и культурными изменениями. Такое воздействие обычно не предпринимается обществом специально, а происходит стихийно в процессе коммуникации» [5, с. 5–6]. В этом случае осуществляется естественное развитие языка, под которым принято понимать «языковые изменения, обусловленные процессами его саморегуляции и самоорганизации. Язык при таком подходе рассматривается как сложная самоорганизующаяся система, обслуживающая потребности языкового коллектива (социума), эволюция которой связана с реализацией адаптивной функции» [6, с. 27].

Вместе с тем с развитием общества усиливается сознательное, преднамеренное воздействие человека на функционирование языка и

на его структуру. Этот вопрос становится все более актуальным, так как «роль интеллектуальных технологий, повысившаяся в культуре индустриального общества, сказывается на состоянии общественного сознания, способствует ускорению некоторых языковых процессов и увеличивает долю целенаправленного участия человека в лингвокреативной деятельности» [7, с. 3].

Лингвисты отмечают различные факты, свидетельствующие о расширении зоны действия искусственного, регулируемого начала. Так, например, Е.И. Голованова называет следующие сферы приоритетного влияния человека на язык: «В современных естественных языках с проявлением рационального начала связано установление принципов языковой политики, практика кодификации языковых систем (в частности, литературного языка), создание вспомогательных систем машинного общения, намеренное изобретение новых языковых обозначений» [6, с. 27]. Н.Б. Мечковская считает, что «основными объектами сознательного воздействия общества на язык являются: 1) графика и орфография, 2) терминология, 3) нормативно-стилистическая система языка» [8, с. 241].

Все вышеперечисленные зоны проявления рационального начала в языке изучались в разное время и с различной степенью активности. Так, например, долгое время под пристальным вниманием лингвистов находятся проблемы соотношения стихийного и регулируемого (естественного и искусственного) в сфере номинации (Н.Д. Голев, В.В. Копчева, Н.П. Ульянова, О.П. Сологуб, М.В. Голомидова); большое количество научных работ посвящено таким областям номинации, как терминология (В.М. Лейчик, Л.А. Шкатова; Е.И. Голованова), индивидуальное словотворчество (В.П. Григорьев; О.И. Александрова); постоянно в поле зрения лингвистов проблемы регулирования нормативно-стилистической системы литературного языка, его кодификации (Г.И. Миськевич, Л.И. Скворцов); в последние годы возрос интерес к проблеме создания и функционирования искусственных языков (С.Н. Кузнецов, Э.П. Свадост-Истомин, А.Д. Дуличенко).

Однако при всем при том нельзя считать, что проблема соотношения стихийного и регулируемого начал в языке исследована исчерпывающим образом. Так, что касается нормативно-стилистической сферы, то большинство исследований здесь носит предписательный характер: в них содержатся указания

на необходимость соблюдения рекомендаций и норм, свойственных тому или иному стилю. В первую очередь это относится к деловой речи, которая, как отмечают исследователи, изучена менее всего. Вопросы механизма формирования деловой речи, особенностей соотношения стихийного и регулируемого начал при составлении деловых текстов пока не привлекали серьезного внимания исследователей. Новый поворот в рассмотрении названных проблем возникает в связи с мыслью о юридизации естественного языка, высказанной Н.Д. Голевым [9]. Отметим, что в нашем, более широком, контексте точнее говорить об **официализации**.

Кроме того, новым импульсом для исследования и для развития научной идеи о соотношении стихийного и регулируемого начал в языке вообще и в деловой речи в частности послужило привлечение в качестве языкового материала огромного массива речевых произведений, долгое время остававшегося вне поля зрения лингвистов, – это произведения естественной письменной речи (ЕПР), противостоящие произведениям искусственной письменной речи (ИПР) и характеризующиеся следующими признаками: 1) письменная форма; 2) неофициальность; 3) спонтанность; 4) непрофессиональность исполнения [10].

В сфере ЕПР выделяется огромный пласт также почти совсем не изученного материала – произведения естественной деловой письменной речи (ЕДПР), создаваемые рядовыми носителями языка, непрофессионалами, вовлекаемыми в сферу официально-делового общения (различного рода заявления, докладные, объяснительные записки, обращения в официальные инстанции и др.), и являющиеся, по сути, формами «обыденной официализации»². Произведения ЕДПР занимают промежуточное положение между речевыми произведениями ЕПР и ИПР: в них переплетаются как регулируемое начало, выражающееся в стремлении составителей текстов выдержать каноны официально-делового стиля, так и начало стихийное, связанное с многочисленными отступлениями авторов от норм составления деловых документов. Как отмечает Н.Д. Голев, изучение представлений рядовых носителей языка об официальном стиле исключительно важно для решения проблем соотношения естественного и официального языка [9]. В силу указанной специфики и малой изученности данный языковой материал должен стать объектом тщательного лингвистического анализа.

² Ср. выражение, употребляемое Н.Д. Голевым, – «обыденная юридизация» [9].

Наибольший интерес в данном отношении вызывают обращения частных лиц в официальные инстанции (исковые заявления в суд, обращения во властные структуры разного ранга, письма в редакцию, записи в «Книге отзывов и предложений»). Являясь речевыми произведениями разной степени официализации, они предоставляют широкий диапазон языковых фактов, свидетельствующих о проявлении стихийного и регулируемого начал в сфере ЕДПР: это могут быть в полном смысле слова официальные документы, где строго выдерживаются каноны официально-делового стиля и где действия субъекта подчинены действующим нормам и стандартам; с другой стороны, обращения могут быть составлены без всякого соблюдения норм деловой письменной речи; и наконец, обращения могут представлять речевые произведения, в которых переплетаются противоположные тенденции, вызванные воздействием стихийного и регулируемого начал, что обусловлено, с одной стороны, стремлением субъекта включиться в сферу деловых отношений (ср.: «основной пресуппозицией при такой юридизации естественных текстов является осознанная или неосознанная необходимость включения естественных текстов в парадигму ЮЯ (юридического языка. – О.С.) <...> Это, так сказать, приведение их к виду, удобному для осуществления юридической деятельности» [9, с. 23])³, с другой стороны, он делает это непоследовательно в силу своей недостаточной подготовленности либо преобладания субъективных начал в своей речевой деятельности.

Можно назвать ряд факторов, обуславливающих разную степень официализации рассматриваемых документов и специфическое взаимодействие стихийного и регулируемого начал: I. Фактор адресанта – степень коммуникативной компетенции авторов обращений, сознание которых включает в себя большее или меньшее число «жанровых стереотипов (фреймов) официальной (институциональной) коммуникации», характеризующейся «жесткой степенью нормативности» [11, с. 117]; 2) степень осознанности целеустановки соответствовать ситуации делового общения; II. Фактор адресата – статус официальной инстанции; III. Условия делового общения – обстановка, в которой осуществляется создание текста.

Действие этих факторов определяет появление деловых текстов разного качества с разной степенью официализации и своеобразным взаимодействием стихийного и регулируемого начал. Так, в анализируемом материале можно выделить несколько степеней официализации естественного языка.

К документам *первой группы* относятся обращения высокой степени официализации, составленные лицами с высоким уровнем коммуникативной компетенции или лицами, не обладающими достаточно высоким уровнем коммуникативной компетенции, но стремящимися наиболее адекватно соответствовать ситуации официально-делового общения и прилагающими для этого большие усилия. Документы этой группы свидетельствуют о том, что авторы текстов хорошо владеют ситуацией (ср. высказывание одного из авторов: *На протяжении нескольких лет я веду переписку с различными инстанциями и работу СПИ (судебных приставов-исполнителей. – О.С.) знаю почти в совершенстве*), выстраивают свое речевое поведение в строгом соответствии со «стандартом рациональности» (представлены все необходимые для документа реквизиты, соблюдены текстовые нормы – реквизиты расположены правильно, изложение выдержано в официально-деловом стиле).

Вторую (самую многочисленную) *группу* документов составляют тексты обращений промежуточного характера, «создаваемых неспециалистами, но имеющих юридическое (в нашем контексте – официальное. – О.С.) предназначение. Они отражают обыденные представления рядовых носителей языка о юридическом (деловом. – О.С.) языке (его стиле и лексике) и часто являются следствием его своеобразной интуитивной имитации» [9, с. 42]. В обращениях подобного рода наблюдается стремление авторов соблюсти форму документа, придать изложению официальный характер, но делают они это непоследовательно, что выражается в неправильном расположении реквизитов, их повторении или, наоборот, отсутствии, в сбивчивом, непоследовательном изложении событий, в использовании наряду с официальными клише выражений разговорного характера, в многочисленных исправлениях, в наличии орфографических и пунктуационных ошибок и прочее, например: *Прошу*

³ Высказанная мысль вполне может быть отнесена и к ситуации делового письменного общения, т.е. мы можем говорить в данном случае об «официализации» естественного языка при осуществлении официально-деловых контактов.

⁴ В приводимых примерах сохраняются орфография и пунктуация, а также стилевые особенности документов.

Соотношение стихийного и рационального начал и степень официализации в текстах обращений в официальные инстанции

рассмотреть мое заявление, т.к. мой сын работает на МУ. УПТК. С сентября месяца 1999 г. Зарплату он получает какими-то частями по 50 рублей и по 100 рублей. На каких-то отдельных ведомостях. А что можно купить на эти деньги. Приходится уголь разгружать даже ночью, чтобы не простаивали вагоны⁴.

Причем чем ниже статус инстанции, тем менее официальными могут быть тексты документов. Так, сравнивая обращения в областную администрацию или в городскую мэрию и в ЖЭУ, можно заметить, что характер этих документов различен. Обращения в ЖЭУ содержат гораздо больше бытовых подробностей: *Поставили 2 стола, 4 стула, 4 ведра под мусор, 2 тляки, кресло-качалку, обрубки досок, рейки. Принесли с помойки полутумбочку и поставили около окна. Выбросили б/у холодильник Саратов, служивший мне тумбочкой.*

Документы могут быть составлены лицами, не обладающими высоким уровнем коммуникативной компетенции и не стремящимися наиболее адекватно соответствовать ситуации официально-делового общения, не прилагающими для этого никаких усилий. Авторы таких обращений почти не владеют ситуацией, не представляют себе правил поведения в данной ситуации, о чем свидетельствуют тексты документов, оформленные как личные письма (они начинаются с приветствия «Здравствуй-те!», представляют собой линейный текст без выделения каких-либо реквизитов, способом изложения является пересказ событий из жизни автора, как правило, сопровождающийся выражением эмоций, повествование содержит

большое количество разговорных элементов, например: *Зарплату во время не платят, все ссылаются на потом, за уголь тоже потом. Как можно ходить на работу пить только чай с хлебом и при этом разгружать вагоны, когда сил уже не хватает. <...> А когда нечего кушать совсем на работу не хочется идти и ждать потом, завтра. Когда мы работаем сейчас, сегодня).* Чаще всего такие тексты составляют малообразованные и/или пожилые люди, не обладающие коммуникативной компетенцией в деловой сфере общения. Авторы документов в данном случае не ставят перед собой цель соблюдать условия коммуникации в официально-деловой сфере, текст создается по принципу «как получится», если и употребляются элементы официально-делового языка, то они, как правило, имитируются. В речевом поведении составителей текстов подобного рода преобладает стихийное начало⁵, что позволяет отнести результаты их речевой деятельности к произведениям естественной письменной речи. Нередки тексты наименьшей степени официализации, составленные спонтанно, под влиянием сиюминутного внутреннего порыва, сильных эмоций: *Первый раз у Вас! Понравилось! Некоторые пожелания: почему бы не расширить меню?! Очень долго выбирали! А девочки у Вас СУПЕР! Обслуживала нас Танечка – просто солнышко, чудная девочка, да впрочем, девочки у Вас КЛАСС!!! Вот только меню! <...> А все-таки ассортимент расширте, please!!!*

Таким образом, рассмотренный материал позволил полнее и глубже рассмотреть проблему соотношения стихийного и регулирую-

⁵ Необходимо отметить, рациональное начало здесь также присутствует, поскольку субъект осуществляет письменную речевую деятельность, а «речемыслительные процессы, связанные с письмом, <...>, находятся ближе всего к тем сферам психического, которые в школе Бодуэна де Куртенэ называли «светлым полем сознания» [8, с. 242].

емого начал в деловой речи, а также выявить различные степени официализации естественного языка в условиях официально-делового письменного общения и факторы, обуславливающие степень официализации и своеобразное взаимодействие стихийного и регулируемого

начал в текстах документов.

В итоге характер соотношения стихийного и рационального начал и степени официализации в современных деловых текстах обращений в официальные инстанции можно изобразить следующим образом (см. рис.).

Литература

1. Ульянова Н.П. Элементы сознательного и стихийного в процессе образования терминов // Слово и организация высказывания. – Калининград, 1984.
2. Субботин И.И. Соотношение естественного и деятельного в социально-историческом функционировании языка // Ленинская теория отражения: Отражение и язык. – Свердловск, 1980.
3. Никифоров А.Л. Рациональность и свобода // Рациональность как предмет философского исследования. – М., 1995.
4. Швырев В.С. Человек и рациональность // Человек. – 1997. – №6.
5. Ульянова Н.П. Соотношение стихийных факторов и сознательного регулирования в механизмах языковой номинации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1984.
6. Голованова Е.И. Соотношение естественного и искусственного начал в языке профессиональной коммуникации // Языки профессиональной коммуникации. – Челябинск, 2003.
7. Голомидова М.В. Искусственная номинация в русской ономастике : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 1998.
8. Мечковская Н.Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков. – М., 2001.
9. Голев Н.Д. Юридизация естественного языка как юрислингвистическая проблема // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул, 2000.
10. Лебедева Н.Б. Некоторые аспекты исследования естественной письменной речи // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. 1. – Барнаул, 2002.
11. Седов К.Ф. Жанр и коммуникативная компетенция // Хорошая речь. – Саратов, 2001.